

ихъ дѣйствіями изо дня въ день, и вы убѣдитесь, что они всѣ должны быть уничтожены — всѣ, начиная отъ тѣхъ, которые отдали коммуны, связанные по рукамъ и ногамъ, во власть священнику, буржуа и префекту, и кончая той знаменитой конституціей (девятнадцатой или двадцатой со временъ 1780 года), которая дала намъ палату кретиновъ и грабителей, ведущую насъ къ диктатурѣ какого-нибудь авантюриста или къ правленію коронованнаго сумасброда.

Словомъ, относительно законовъ этой категоріи не можетъ быть никакого сомнѣнія. Не только анархисты, но и всѣ болѣе или менѣе революціонно настроенные буржуа пришли къ заключенію, что всѣ законы, касающіеся организациі правительства, должны быть преданы огню.

Остается еще третья категорія законовъ, самая важная, такъ какъ съ ней связано множество предрасудковъ: законы объ огражденіи правъ отдѣльныхъ лицъ, о наказаніяхъ и о предупрежденіи „преступленій». Если теперь и считаются съ закономъ, то исключительно потому, что эту третью категорію законовъ признаютъ безусловно необходимой для обезпеченія полной безопасности отдѣльнымъ членамъ общества. Это тѣ законы, которые развились изъ обычаевъ, необходимыхъ для существованія человѣческихъ обществъ и ловко эксплуатировались господствующими классами для санкціонированія ихъ господства. Власть начальниковъ племени, богатыхъ семействъ въ коммунахъ и короля была основана на томъ, что эти люди исполняли должности судей; и до сихъ поръ, когда утверждаютъ необходимость существованія правительства, указываютъ главнымъ образомъ на его функцію, какъ верховнаго судьи. — „Безъ правительства люди передушаютъ другъ друга», говорятъ деревенскіе мудрецы. — „Конечно, цѣль всякаго правительства, говоритъ Боркъ, дать каждому обвиняемому двѣнадцать честныхъ присяжныхъ засѣдателей».

Но, не смотря на всѣ существующіе предрасудки, анархисты должны заявить во всеуслышаніе, что и эта категорія законовъ такъ же не нужна и даже вредна, какъ и предшествующія.

Двѣ трети и даже три четверти такъ называемыхъ „преступленій» совершаются съ цѣлью захвата богатствъ, принадлежащихъ другому лицу. Эта категорія „преступленій и проступковъ» исчезнетъ въ тотъ день, когда перестанетъ существовать частная собственность.

„Но, скажутъ намъ, среди насъ есть люди — скоты, которые будутъ покушаться на жизнь гражданъ, наносить другъ другу удары ножами при малѣйшей ссорѣ, мстить за пустяжную обиду убійствомъ, если не будетъ законовъ и наказаній, чтобъ ихъ сдерживать». Вотъ припѣвъ, который намъ постоянно повторяютъ, какъ только мы высказываемъ сомнѣніе относительно права общества прибѣгать къ наказаніямъ. На это мы можемъ возразить слѣдующимъ установленнымъ положеніемъ: строгость наказаній не уменьшаетъ числа „преступленій». Вѣшайте, четвертуйте, если это вамъ угодно, убійцъ, число убійствъ отъ этого нисколько не уменьшится. И потому, уничтожьте смертную казнь; по крайней мѣрѣ, однимъ убійствомъ будетъ меньше. Статистики и законовѣды признаютъ, что уменьшеніе строгости наказаній никогда не приводило къ увеличенію числа покушеній на жизнь гражданъ.

Съ другой стороны, хорошій урожай, дешевизна хлѣба, тепло, солнце — уменьшаютъ число убійствъ. Статистикой доказано, что число преступленій растетъ пропорціонально цѣнѣ съѣстныхъ припасовъ и въ зависимости отъ хорошей или дурной погоды. Я не говорю, что причиной всѣхъ убійствъ служитъ голодъ. Но хорошій урожай, дешевизна съѣстныхъ припасовъ дѣлаетъ людей менѣе несчастными и болѣе жизнерадостными; они не предаются мрачнымъ мыслямъ, угрюмымъ страстямъ и не убиваютъ изъ за пустяковъ себѣ подобныхъ.

Кромѣ того, мы знаемъ что страхъ передъ наказаніемъ никогда не останавливалъ ни одного убійцу. Тотъ, кто рѣшился убить своего сосѣда изъ мести или нужды, мало заботится о послѣдствіяхъ своего преступленія; нѣтъ убійцы, который бы не вѣрилъ въ возможность избѣжать преслѣдованія. Впрочемъ, пусть каждый проанализируетъ сущность преступленій и наказаній, вникнетъ въ ихъ мотивы и послѣдствія и, если онъ способенъ мыслить, не поддаваясь вліянію предвзятыхъ идей, то онъ неизбѣжно придетъ къ слѣдующему заключенію:

Не только въ обществѣ будущаго, гдѣ человѣкъ будетъ получать хорошее образованіе, гдѣ развитіе всѣхъ его способностей и возможность ихъ примѣненія къ любимому дѣлу будутъ доставлять ему такое наслажденіе, что изъ боязни лишиться его, онъ не совершитъ убійства, но даже въ нашемъ обществѣ, съ тѣми печальными продуктами нищеты, которые мы видимъ въ кабакахъ большихъ городовъ, — число убійствъ не увеличится въ тотъ день, когда наказанія перестанутъ угрожать убійцамъ; возможно даже, что оно уменьшится, такъ какъ придется исключить число убійствъ, совершенныхъ рецидивистами, озвѣрѣвшими въ нашихъ же тюрьмахъ».